

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НЕМЦЕВ РОССИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА,
САРАТОВСКОГО ФИЛИАЛА ИВИ РАН

**РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО,
ОБЩЕСТВО И ЭТНИЧЕСКИЕ НЕМЦЫ:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ХАРАКТЕР
ВЗАИМОТНОШЕНИЙ (XVIII–XXI вв.)**

Материалы XI международной научной конференции:
Москва, 1–3 ноября 2006 года

Издательство «МСНК-пресс»
2007

Община немецких колонистов и российское государство в XVIII–XIX вв.: эволюция взаимоотношений (на примере колоний Северо-Запада)

В статье предпринимается попытка проследить развитие общины немецких колонистов северо-западного региона как социальной организации и проанализировать ее отношения с российским государством в лице органов управления различных уровней с момента основания колоний до конца XIX в.

В истории развития колонистской общины могут быть условно выделены несколько этапов, различавшихся между собой как состоянием общины и уровнем эффективности колониистского самоуправления, так и характером взаимоотношений между колонистами и государственными структурами.

Рассмотрение особенностей каждого из этих этапов целесообразно проводить рядом замечаний общего характера. Современные исследования по истории крестьянской общины показывают, что первоначально она формировалась и развивалась стихийно, функционировала на основе обычного (т. е. являющегося результатом правотворчества самого крестьянства) права: основные функции, реализуемые общиной, были направлены на обеспечение ее собственных потребностей. К числу таких функций, называемых исследователями «неформальными», относятся, например, регулятивная (осуществление неофициального социального контроля), правотворческая и судебная (расследование и суд по гражданским и незначительным уголовным делам между крестьянами), производственная (распределение земли между хозяйствами и организация сельскохозяйственного производства), представительская (представительство и защита интересов отдельных крестьян и общины в целом перед помещиком и государством), культурно-воспитательная, религиозная, а также функция социальной защиты. Структура общины также сначала носила неформальный (неофициальный) характер – выборные, являясь неофициальными руководителями, не отрывались от крестьянской среды, определяющее влияние на жизнь общины оказывали неформальные (родственные, дружеские, соседские) связи между ее членами. Со временем данная структура начинает использоваться для обеспечения выполнения крестьянами обязанностей перед государством и помещиками, а затем следует включение складывающейся формальной (официальной) структуры общины в систему государственного управления. Это происходит, в частности, посредством усиления роли так называемых формальных функций общины, прежде всего – полицейской (поддержание общественного порядка) и финансово-податной (распределение и сбор государственных и местных налогов и повинностей), осуществлявшихся в большей степени на основании закона, нежели обычного права.

В отношении казенных и удельных крестьян Российской империи произошедшие изменения были законодательно закреплены в конце XVIII в. (в 1797 г. и 1798 г., соответственно). В помещичьей деревне к этому времени органы общественного самоуправления фактически стали элементом вотчинной администрации. При этом нужно отметить, что на анова заселяемых окраинных территориях формирующиеся крестьянские общины заново проходили описанный путь, начиная с его первых этапов¹.

На территории Германии существенные изменения в отношениях крестьянской общины и государства, направление которых образно обозначено в одном из исследований как переход от господства, осуществлявшегося совместно с крестьянством, к господству над крестьянством („von der Hertschaft mit Vauegen zur Hertschaft über Vauegen“), произошли в XVI–XVII вв. Они выражались, в частности, во введении регламентации жизни общины (в основном, в части осуществления ею формальных функций) посредством издававшихся властями уставов („Dorfordnungen“), сокращении полномочий органов сельского самоуправления (прежде всего, в правовой сфере), усилении контроля над деятельностью этих органов через утверждение выборных сельских должностных лиц (или их назначение) и т. д. Данные тенденции получили свое развитие в XVIII в., что привело к частичной утрате сельской общиной своей самостоятельности и постепенному превращению ее в инструмент проведения в жизнь государственной политики на локальном уровне². В то же время предпринимавшиеся в дальнейшем (в конце XVIII в. – начале XIX в.) попытки государства поставить под контроль осуществление общиной неформальных функций (прежде всего – культурно-воспитательной и производственной) и добиться через взаимодействие с органами сельского самоуправления ускорения процессов культурной и экономической модернизации в деревне приносили лишь незначительный эффект³. Ко времени переселения колонистов в Россию немецкая крестьянская община уже приобрела черты института государственного права и имела сложную внутреннюю структуру, включавшую в себя целый ряд разнообразных административных должностей, некоторые из которых замещались на постоянной основе. В силу интенсивно шедших в XVII–XVIII вв. процессов социальной дифференциации, в ряде регионов в рамках общины сложилась многоступенчатая иерархия органов управления, избиравшихся, соответственно, крупными и мелкими крестьянскими хозяйствами; от участия в их работе были полностью отстранены безземельные, составлявшие все более значительную часть сельского населения германских государств⁴.

При основании иностранных колоний в России власти предоставили переселенцам возможность воспроизвести на новой родине привычные для них формы общинной жизни.

Первый из анализируемых в статье этапов развития колониальной общины на территории Санкт-Петербургской губернии охватывает 1760-е – 1800-е гг., когда происходило ее становление как социальной организации⁵. Известно,

что право на местное самоуправление принадлежало к числу важнейших привилегий, обещанных потенциальным иммигрантам Манифестом 22 июля 1763 г., в котором говорилось: «Поселившись особыми колониями и местечками, внутреннюю их юрисдикцию оставляем в их благоустройство с тем, что Наши начальники во внутренних их порядках никакого участия иметь не будут, а в прочем обязаны они повиноваться Нашему праву гражданскому»⁶. Законом 19 марта 1764 г., развивавшим положения Манифеста, была предусмотрена возможность согласования конкретных форм самоуправления в колониях с самими переселенцами: попечительским органам давалось указание подготовить несколько различных вариантов «учреждений по внутренней юрисдикции», с тем, чтобы те из них, на которые будут согласны колонисты каждого конкретного округа, «утвердя письменно, учинить всегдашним всей той колонии и всех поселян оной округа законом»⁷. Право предлагать свои проекты таких документов предоставлялось и самим колонистам. При этом предлагалось обязывать каждого переселенца при вступлении во владение землей давать подписку об их неукоснительном исполнении⁸. Отношения общины с государством регулировались письменными контрактами, заключающимися колонистами с российскими органами управления⁹.

Таким образом, жизнь колониальной общины с момента поселения должна была базироваться на твердых основаниях закона. Эта община изначально формировалась как социальная организация, имевшая официальную структуру (законодательно закрепленную иерархию должностей), являвшуюся частью государственной системы управления, и наделялась формальными (полицейской и финансово-податной) функциями. Реализация не только указанных формальных, но и (в отличие от русской деревни) всей совокупности неформальных функций должна была регламентироваться государством. В 1765 г. при участии колонистов были составлены «Внутренняя юрисдикция» и «Устав полиции»¹⁰, утвержденные обер-директором колоний В. Р. фон Польманом, а в 1778 г., после реорганизации системы управления колониями, появился документ под характерным названием «Инструкция по силе Ее Императорского Величества Высочайшего указа правления близ Санкт-Петербурга поселившихся колонистов, по коей старосты и при них выборные должны в точности исполнять следующие»¹¹. Названные документы легли в основу разработанной в ходе павловских преобразований и вступившей в действие в 1803 г. «Инструкции для внутреннего распорядка и управления в Санкт-Петербургских колониях»¹², которая, в свою очередь, стала составной частью «Устава о колониях иностранцев в империи»¹³. И, таким образом, сохраняла свое действие вплоть до реформы 1871 г. Эта инструкция охватывала все сферы деятельности сельского самоуправления и включала в себя следующие разделы: «О повиновении поселен церкви, о содержании пасторов и обязанностях сих последних как к приходжанам, так и к начальству», «О заведении приказов и выборов в школы, выборные и прочие

звания и о их должностях», «О внутреннем в колониях управлении», «О сельской полиции и о пожарном порядке», «Штрафы за причиненный вред и удволение за оный», «Об экономических и других полезных в колониях заведениях»¹⁵.

Однако расчет российских властей на то, что колонисты, опираясь на нормы уставов и инструкций, смогут построить эффективную систему самоуправления, не оправдался. В течение нескольких десятилетий изложенные в этих документах положения оставались на бумаге. Подводя в 1780 г. итоги первых пятнадцати лет существования колоний, их директор Ф. Ротгенбуке констатировал, что колонисты «имеют ... самими для себя сочиненную внутреннюю юрисдикцию, опровергаемую Его Превосходительством Виллимом Романовичем фон Польманом, по которой поняне ничего не исполнили»¹⁶. Отчеты ревизоров вавших колонии в 1797 г. и 1799 г. членов Экспедиции государственного хозяйства свидетельствуют о том, что и к этому времени общины большинства немецких селений строили свою жизнь на основаниях, далеких от предписанных им законодательством и властями¹⁷.

На протяжении второй половины XVIII в. община колонистов по существу оставалась неформальной организацией, функционировавшей на основании обычного права. Официально утвержденные органы самоуправления не пользовались авторитетом: по словам упомянутого директора колоний, «с самого начала поселения оных колонистов не было у них повиновения своим начальникам и послушания собственно выбранным шульцам...»¹⁸. Приоритетными являлись неформальные связи, препятствовавшие деятельности сельских приказов в части исполнения судебной функции и применения штрафных санкций: если следовало наказать кого-либо за «беспорядочные поступки», среди колонистов организовывались разные «партии», которые «исполнению положенного наказания противились»¹⁹. Функции общины, направленные на обеспечение ее собственных потребностей (воспитательная, религиозная, социальной защиты и др.) не осуществлялись в полной мере в силу отсутствия финансовых средств, обусловленного тяжелым экономическим положением колоний. Что же касается основных формальных функций общины – полицейской и финансово-податной – то колонисты были скорее ориентированы не на то, чтобы добросовестно их исполнить, а на то, чтобы по возможности уклониться от их исполнения: максимально отодвинуть сроки начала внесения налогов и взносов по кредиту и сократить их объем, уйти от контроля государства за перемещениями и т. д. Объективными основаниями для такой позиции являлись экономические трудности, в значительной степени обусловленные невыполнением российскими властями заявленных в контрактах обязательств.

Попечительские структуры, судя по сохранившимся свидетельствам, не оказывали на начальном этапе значительного влияния на внутреннюю жизнь общины немецких крестьян (как и реальной помощи переселенцам). Группа колоний, располагавшихся в отдаленном от столицы Ямбургском уезде, вскоре

после основания вообще выпала из поля зрения властей. Посетивший их в 1797 г. ревизор отмечал, что назначенные при поселении шульцы «во всех делах своих управлялись сами собою, а только в чрезвычайных случаях, принадлежавших до правительств, относятся к Капитану Исправнику»²⁰ (итоги переода полной самостоятельности были неутешительными – большую часть жителей пришедших в полное разорение селений пришлось переселить на Юг России). Внимание властей к жизни переселенцев усиливалось в моменты, когда система управления колониями подвергалась реформированию (к примеру, в 1778 г. и в 1797 г.), либо когда подходило к концу сроки предоставленной им при поселении льготы по уплате налогов и ссудных денег.

В целом отношение колонистов с государством в этот период характеризовались напряженностью, время от времени переходившей в открытую конфронтацию. Отметим, что, пытаясь предотвратить формирование коллективных оппозиционных настроений, власти очерчивали в инструкциях круг вопросов, под страхом наказания запрещенных для обсуждения на сходе: «чтобы никто не говорил о вещах, неприличных земледельцу, и не судил бы ни о помозанных о главах, ни о вышнем начальстве, ниже о их установлениях...»²¹. Однако на первоначальном этапе основными выразителями таких настроений выступали не органы самоуправления, а выдвигавшиеся из колониальной среды на волне недовольства действиями администрацией неформальные лидеры, становившиеся предводителями спонтанно вспыхивавших акций неповиновения, которые жестко пресекались властными структурами. Основной почвой для таких выступлений являлось недовольство условиями поселения, а главное – низким качеством предоставленной земли. В среде переселенцев первой волны протест вызвали, в частности, попытки органов управления добиться начала уплаты налогов по истечении льготного периода. При этом основу протестующих составило второе поколение колонистов – сыновья первопоселенцев, отказавшиеся приносить присягу на верность российской короне с тем, чтобы предотвратить подписание контрактов, а следовательно – уплату податей за землю, которую они считали непригодной для сельскохозяйственной обработки²².

Еще более выраженный конфликт с властями (по аналогичным причинам) имел место при поселении под С.-Петербургом в начале XIX в. второй крупной группы колонистов: в данном случае дело дошло до открытого выступления, для подавления которого была использована военная сила. Вместе с тем различия в составе двух названных переселенческих групп обусловили существенную разницу в характере развития конфликтной ситуации, а также адаптационного периода в целом. В первых петербургских колониях, появившихся в 1765–1766 гг., были поселены уроженцы различных германских государств, на добровольной основе отобранные из числа находившихся в переселенческом лагере Кронштадта иммигрантов. Население же «новых» колоний составили жители нескольких немецких деревень, основанных на отошедшей в конце XVIII в. к Пруссии территории Польши (М. Иновлац).

Потерпев разорение в ходе наполеоновских войн, они последовали приглашению занимавшегося поиском кандидатов на поселение на землях Дворцового ведомства министра внутренних дел А. Б. Куракина и в 1809 г. в составе трех партий организованно прибыли в окрестности столицы. Эта группа, таким образом, уже на начальном этапе обладала достаточно высоким уровнем сплоченности, что позволило ей более последовательно отстаивать свои требования к российским властям, и, не поддаваясь на давление и угрозы, демонстрируя солидарность с подвергавшимися санкциям лидерами выступления, добиться принятия Александром I решения о пересмотре плохо продуманных первоначальных планов расселения²⁴. Соответственно, процесс складывания действенной формальной структуры общины и налаживания работы органов самоуправления в данном случае оказался значительно короче, нежели у колонистов первой волны, а роль государства как направляющей силы этого процесса была здесь менее выражена. В связи с этим уже применительно к следующему этапу при анализе сущности протекавших в колонистской общине изменений петербургские немецкие селения представляются возможным рассматривать в совокупности, не выделяя в их составе двух различных по времени основания групп.

Начало второго из выделенных этапов — 1810-е — 1830-е гг. — относится к моменту реформирования системы управления колониями, предпринятого правительством Александра I, и перехода государственных органов к проведению более активной попечительской политики. Отметим, впрочем, что первые и весьма плодотворные шаги в этом направлении были сделаны еще в 1797 г., когда петербургские немецкие поселения были переданы под непосредственное руководство образованной по указанию Павла I Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства. Убедившись в том, что сельские приказы колоний не выполняют должным образом свои функции, власти первоначально пошли по пути принятия на себя части обязанностей органов самоуправления. В конце 1809 г. для руководства немецкими селениями региона было создано специальное Управление Северных колоний, действовавшее на тех же основаниях, что и опекунские конторы в Саратове и Екатеринославе. Первый директор этого управления — будущий министр финансов России Е. Ф. Канкрин — последовательно выступил за сокращение слишком больших, по его мнению, полномочий органов сельского самоуправления колоний, вида в них причину неудовлетворительного положения колонистов и фактор, ограничивавший власть российских чиновников в отношении подведомственных им иностранных поселений. Канкрин представил министру внутренних дел целую серию соответствующих «замечаний» к инструкции 1803 г., особое место среди которых отводилось вопросу о расширении прав попечительских структур в сфере изменения наказаний. В частности, жалуюсь на «испорченность» колонистов, он отмечал, что не удалось исправить положение «примерами особой строгости», однако «на то инспектор не имеет способов, потому что по сельской

инструкции вся власть дана шульцам и обществам»²⁴. Выступая за более широкое внедрение в практику телесных наказаний, инспектор обосновывал свое мнение тем, что «денежные штрафы, содержание в тюрьме или в смиренном доме и общественные работы разоряют колонистов и отвлекают их от хозяйства. А как колонисты не без амбиций, то публичное умеренное наказание хотя одного много поможет»²⁵.

Однако со вступлением в 1811 г. в должность руководителя Управления Северных колоний надворного (позже статского) советника И. П. Бунина, выполнявшего эти обязанности на протяжении последующих 20 лет, постепенно возобладали линия, направленная не на сужение сферы компетенции органов сельского самоуправления колоний, а на стимулирование их к максимально эффективному выполнению своих функций в рамках предоставленных законодательством прав. По каждому из основных направлений деятельности сельских приказов были составлены дополнительные инструкции, подробно разъяснявшие правила ведения делопроизводства и составления отчетов, формировавшие запасы хлебных магазинов и сельских денежных капиталов, осуществлявшие опеки над сиротами, оформления паспортов вхождением и т. д. Сельским должностным лицам оказывалась планомерная практическая помощь в организации работы, а результаты их деятельности подвергались строгому систематическому контролю; рождавшиеся в колонистской среде полезные инициативы получали поддержку со стороны чиновников Управления.

Таким образом, на данном этапе государство играет ведущую роль в обеспечении выполнения общинной формальной функций и активно содействует реализации неформальных функций. Налаживание эффективной деятельности органов сельского самоуправления осуществляется на пути бюрократизации общины, введения письменного делопроизводства и комплексных форм отчетности, ужесточения ответственности за неисполнение предписаний. При этом попечительские структуры практикуют ненасильственные методы управления, в целом не нарушающие оговоренные в законах права и привилегии колонистов. Колонисты, со своей стороны, демонстрируют лояльность по отношению к властям, четкое выполнение налоговых и иных обязательств.

С точки зрения анализа внутренних процессов, протекавших в общине, этот период характеризуется повышением ее сплоченности, ростом авторитета формальных структур — сельского приказа и сельского схода. Именно они, а не неформальные лидеры, становятся действенными инструментами защиты интересов общины, осуществляющимися, в отличие от того, что имело место на начальном этапе, не противоречащими законодательству методами. Позиция колонистов по тому или иному вопросу, вырабатывавшаяся на сходе и фиксировавшаяся при составлении приговора, далеко не всегда учитывалась при принятии решений государственными органами, однако в ряде случаев сельским обществам удавалось противостоять оказываемому на них давлению и отстаивать свою точку зрения. В течение данного периода, таким

образом, были сделаны важнейшие шаги в направлении эволюции колони-
стской общины от социальной организации общинного типа к социальной
организации общественного типа.

В качестве следующего этапа развития общины можно выделить 1840-е –
1860-е гг., когда, в продолжение начавшихся еще на исходе предыдущего
периода изменений, происходит планомерное сокращение, а затем и полная
ликвидация особых полевых структур, а следовательно – постепенное
ослабление влияния государства на деятельность органов самоуправления ко-
лоний и жизнь колониальной общины в целом. С начала 1840-х гг. все коло-
нии С.-Петербургской губернии (которых к этому времени насчитывалось уже
более двадцати) курировал подведомственный губернской Палате государст-
венных имуществ окружной начальник, выполнявший данную задачу наряду
со своими основными обязанностями по контролю над государственными
крестьянами. Обосновывая передачу колоний в его ведение, руководившее
Палатой V Отделение собственной е. и. в. канцелярии выражало уверенность
в том, что немецкие колонисты, «известные своим благоустройством и трудолю-
бием, ... по самому образу их жизни не могут особенно затруднить или озаботить
окружного начальника при заведовании ими»²⁶.

Действительно, несмотря на снижение уровня внешнего контроля, община
колонистов в это время одинаково успешно реализует весь комплекс своих
функций:

- по числу преступлений и различного рода проступков колонии суще-
ственно уступают селениям других категорий крестьянства региона;
- заняв в предыдущий период лидирующее положение в основных отрас-
лях сельского хозяйства, немецкие селения удерживают его до конца своего
существования;
- школьное образование в колониях стоит на более высоком уровне по
сравнению не только с местным крестьянством, но и с немецкими селения-
ми Поволжья и Юга России, благодаря, в частности, достойному финансиро-
ванию (в ряде материнских колоний жалование учителя превышало
1 000 руб. в год);
- община эффективно организует действия своих членов в кризисных
ситуациях, вследствие чего, по данным отчетов попечительских структур,
численность потерь в период эпидемий и эпизоотий в колониях значительно
ниже среднего показателя по губернии;
- обязательство по уплате податей и судебных денег выполняются в срок и
в полном объеме;
- достигнутый колонистами уровень благосостояния дает им возмож-
ность удерживать на необычно высоком для крестьянства региона уровне
объемы сельских сборов – налогов, собираемых в установленных самой об-
щиной размерах и расходуемых на ее собственные нужды (в 1830-е – 1840-е гг.
в ряде колоний сельские сборы превышали совокупные платежи, вносимые в
государственную казну).

Исключение составляли три католические колонии, располагавшиеся в
Ямбургском уезде, где на всем протяжении дореформенного периода эффек-
тивность деятельности органов самоуправления, как и экономические поло-
жение селений, находились в прямой зависимости от интенсификации опеки,
и, следовательно, резко снижались по мере ослабления контроля со стороны
государственных органов. В 1847 г., когда по итогам ревизии Палаты государ-
ственных имуществ был сделан вывод о полной недееспособности сельского
самоуправления (по словам самих колонистов, не получавший жалования
шляхц Иван Келлер «никакой пользы не приносил, а терпелся лишь по не-
имению лучшего выбора»²⁷), в докладе на имя Николая I было выдвинуто
предложение назначить на место старосты унтер-офицера на государствен-
ной жаловании, сняв, таким образом, с ямбургских колонистов обязанности
по содержанию сельского приказа²⁸.

Освещая основные тенденции в развитии общины, нужно указать и на сле-
дующее обстоятельство: если на протяжении предыдущих десятилетий про-
цессы внутренней интеграции происходили прежде всего на уровне отдель-
ных сельских общин, то применительно к данному этапу можно говорить об
интеграции между общинами и формировании коллективной идентичности
петербургских колонистов как единой общины – региональной группы росси-
йских немцев. В таком качестве они представляют себя окружающему социуму
в ходе торжеств, посвященных столетию основания первых подольских коло-
ний (1865–1866 гг.), организованных с большим размахом и ориентированных
не только на внутреннюю, но и на внешнюю аудиторию.

Вместе с тем, наряду с процессами интеграции в колониальной общине все
более активно идут процессы дифференциации, нарастания противоречий
между группами, отдельными общинниками, а также между ними и общи-
ной в целом. Явственно обозначившись еще в предыдущий период, они ока-
зывают определяющее воздействие на жизнь колониальной общины на про-
тяжении последнего из анализируемых этапов, приходящегося на 1870-е –
1890-е гг., когда немецкие колонисты были окончательно приравнены в отноше-
нии социального статуса и порядка управления к основной массе российского
крестьянства.

Указанные процессы являлись отражением общих тенденций порефор-
менного развития российской деревни, обусловленных ее движением по
пути социальной и экономической модернизации. Однако в среде немецких
колонистов они начались раньше и протекали интенсивнее, в частности, в си-
лу наличия в колониях подворно-наследственной формы землепользования,
предопределявшей разделение общины на домохозяев и безземельных, про-
тиворечия между которыми отличались особой остротой. Учитывая влияние
данной проблемы на эффективность работы органов сельского самоуправле-
ния, власти обратили на нее пристальное внимание при разработке докумен-
тов, легших в основу проведения реформы 1871 г. Согласно положению «Об
общественном устройстве и управлении поселений крестьян-собственников», входившему

в состав «Правил 4/16 июня 1871 г.», в селениях с подворным пользованием землей поселяне, не владевшие ни усадьбой, ни полевым наделом (безземельные) должны были посылать на сельский сход по одному выборному от каждых десяти взрослых работников, а на волостной сход – одного выборного от двадцати работников, причем число выборных от безземельных не могло превышать числа выборных от домохозяев, и право голоса предоставлялось им лишь при решении вопросов, имевших к ним непосредственное отношение²⁹. Предпринятая в документах реформы попытка регулирования участия в самоуправлении разных категорий колонистов не ликвидировала противостояния между домохозяевами и безземельными, а также между жителями материнских и дочерних колоний, особенно обострявшегося в тех случаях, когда речь шла о пользовании землей либо о раскладке податей.

В условиях экономического и социального неравенства в колониях происходит формирование наследственной сельской «элиты», держащей в своих руках сельские и волостные органы власти и последовательно отстаивающей интересы домохозяев. Государство рассматривается противоборствующими сторонами в качестве арбитра для разрешения противоречий. К примеру, к урегулированию затанувшего на долгие годы конфликта по поводу пореформенного землеустройства, всплывшего в крупнейшей в губернии Ново-Саратовской колонии, были привлечены, помимо мирового посредника, С.-Петербургское губернское по крестьянским делам присутствие, министр внутренних дел и министр государственного имущества. Точка в деле была поставлена в 1879 г. Главным комитетом по устройству сельского хозяйства, решение которого было утверждено лично императором Александром II³⁰.

Помимо конфликтов на экономической почве, жителей колоний побуждало обращаться к представителям государственной власти множество других, более частных проблем: несправедливое, на их взгляд, разрешение волостными судами семейных споров, беспочвенное наложение взысканий, неправомерные действия (либо бездействие) сельских должностных лиц и т. д. К примеру, среди поступивших в 1870-е – 1890-е гг. на рассмотрение С.-Петербургского уездного по крестьянским делам присутствия и земского начальника первого участка С.-Петербургского уезда обращений жителей Среднерогатской и Ново-Саратовской волостей были зарегистрированы такие, как жалоба поселянина Штейнбеизанда на старшину и писаря за неприращение к ответственности за кражу поселянина Шефера³¹; прошение старшины Эргарда о привлечении к ответственности председателя волостного суда Шмидта³²; заявление крестьянки Штейн о нанесении ей оскорбления волостным старшиной Шмисом³³; жалоба поселянина Брейнера на помощника старшины за неправомерное наказание арабстом³⁴; жалоба поселянки Рейх на старшину за продажу ее дома³⁵; крестьяне Рейх и Роо подали жалобу на сельское общество по поводу неправомерного распределения мирских повинностей³⁶; крестьянка Фолькенштерн жаловалась на волостного старшину, не взыскивавшего в ее пользу денег по опеке³⁷, вдова поселянина Эйдемиллера пыталась

опротестовать решение волостного суда о разделе наследственной земли между сыновьями и т. д.³⁸

Таким образом, если в предыдущие периоды община, согласно законодательству, опосредовала большую часть контактов колонистов с внешним миром и государственной властью в лице различных учреждений (согласно инструкциям 1778 г. и 1803 г. обращение жителей колоний в любые вышестоящие органы от своего имени было запрещено), то теперь группы и отдельные индивиды имеют и активно реализуют право на представительство и защиту своих интересов напрямую в различных инстанциях в том случае, если возникшие проблемы не находят разрешения в рамках деятельности органов самоуправления.

В то время как сами колонисты предъявляли множество претензий к работе органов самоуправления, у государственных структур, судя по изученным на данный момент источникам, в этот период практически не было замечаний по организации их деятельности. Это отличало колонии от русских и финских селений, в отношении которых по результатам проводимых проверок сообщалось о многочисленных случаях растрат общественных денег, ненадлежащего исполнения сельскими должностными лицами своих обязанностей, появления на заседаниях сельских и волостных правлений в нетрезвом виде и т. д.³⁹ В пореформенное время между колонистской общиной и государством сохраняются в целом конструктивные отношения, на которые, как представляется, не оказывают значительного влияния колебания внутри- и внешнеполитического курса России в конце XIX в. – начале XX в. Эти отношения все в большей степени приобретают характер взаимодействия. Коммуникация между органами сельского самоуправления колоний и государственными структурами гораздо более интенсивна, нежели у местного крестьянства, и носит более выраженный двунаправленный характер. Так, например, в течение 1895 г. по Ново-Саратовскому волостному правлению количество входящих документов составило 303, а количество исходящих – 574, по Среднерогатскому волостному правлению – соответственно 377 и 367⁴⁰.

Об эффективности колониистского самоуправления свидетельствует, в частности, то, что в усложнившейся в конце XIX в. экономической и социально-политической обстановке, оказывавшей негативное влияние на хозяйственную и общественную жизнь российского крестьянства, для немецких селений по-прежнему были характерны выполнение налоговых обязательств, сохранение полицейского порядка, низкий уровень преступности. Неформальные функции общины на данном этапе реализуются уже в значительной степени на пути создания специализированных организаций – касс взаимопомощи, приютов, пожарных команд, общественных библиотек, коллективов художественной самодеятельности и т. д. Примечательно, что они появляются в немецких селениях в рамках общественной инициативы самих колонистов, тогда как в финских и в русских деревнях подобные учреждения создаются в основном при участии земства и городской интеллигенции.

Материалы исследования позволяют судить о колониальной общине как о развивающейся структуре, эволюционировавшей на протяжении дореволюционного периода от объекта воздействия со стороны государства к самоуправляющейся корпорации, являющейся полноправным субъектом социальных и экономических отношений; от социальной организации общинного типа, основным стимулом к внутренней интеграции которой являлось противостояние внешней среде – к социальной организации общественного типа, способной выдвигать и реализовывать позитивную программу собственного развития и взаимодействия с окружающим социумом²¹.

1 См.: Мироня Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 431–495; Александров В. А. Сельская община в России: (XVII – начало XVIII в.). М., 1976; Прокофьев Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Л., 1981 и др.

2 Heide Wunder. Die bauernliche Gemeinde in Deutschland. Göttingen, 1986.

3 Ibid., S. 80–114.

4 См., напр.: Luiz Raphael. Staat im Dorf. Transformation lokaler Herrschaft zwischen 1750 und 1850. Fonozsische und westdeutsche Erfahrungen in vergleichender Perspektive – In: Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie. 2003. Heft 1. S. 47–52; Ulrike Lauler. Bäuerliche Bildungs- und Innovationsbewusstheit im Urteil von Beamten und Notariolen am Beispiel der bayerischen Pfalz – In: Norbert Franz, Bernd-Stefan Grewe, Michael Klauß (Hg.). Landgemeinden im Übergang zum modernen Staat: vergleichende Mikrostudien im linksrheinischen Raum. Mainz, 1999. S. 255–278.

5 См.: Werner Trossbach. Bauern. 1648–1806. München: Oldenbourg, 1993. (Enzyklopädie deutscher Geschichte, Bd. 19). S. 28–29; Heide Wunder. Die bäuerliche Gemeinde in Deutschland. S. 96–97.

6 Подробнее об основании колоний см.: Вазмутская (Лебедева) Е. В. Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы: Сборник научных статей / Отв. ред. Г. И. Смагина. СПб., 1999. С. 233–245.

7 Полное Собрание законов Российской империи: Собрание 1-е: 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Т. 1–45. (Далее – ПСЗ-1) Т. 16. № 11880.

8 Там же. № 12095.

9 См.: Там же.

10 См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 13–17, 20–22.

11 См.: Там же. Л. 29–31 об.

12 Там же. Л. 25–28.

13 ПСЗ-1. Т. 27. № 20798.

14 Свод законов Российской империи. Т. 12. СПб., 1857. Ч. 2. С. 1–100.

15 ПСЗ-1. Т. 27. № 20798.

16 РГИА. Ф. 487. Оп. 2. Д. 902. Л. 11 об.

17 См.: Там же. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 84–93, 161–169.

18 Там же. Ф. 487. Оп. 2. Д. 902. Л. 8 об.

19 Там же. Л. 11 об.

20 Там же. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 92.

21 Там же. Л. 25–25 об.

22 См.: Там же. Ф. 487. Оп. 2. Д. 902.

23 Подробнее см.: Вазмутская (Лебедева) Е. В. Организация приема и расселения немецких колонистов в Санкт-Петербургской губернии в период правления императора Александра I // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы международной научной конференции. Анали. 26–30 сентября 1997 г. М., 1998. С. 73–89.

24 РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1170. Л. 48 об.

25 Там же.

26 Там же. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 372. Л. 29.

27 Там же. Д. 335. Л. 18.

28 См.: Там же.

29 См.: ПСЗ-1. Т. 46. № 49705.

30 См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 61.

31 См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 951. Оп. 1. Д. 292.

32 См.: Там же. Д. 457.

33 См.: Там же. Д. 293.

34 См.: Там же. Д. 177.

35 См.: Там же. Д. 344.

36 См.: Там же. Ф. 977. Оп. 1. Д. 83.

37 См.: Там же. Д. 365.

38 См.: Там же. Д. 371.

39 См.: Там же. Д. 344, 363, 387, 401, 440, 458, 484 и др.

40 См.: Там же. Ф. 981. Оп. 1. Д. 490.

41 Эволюция в данном случае рассматривается как процесс, продолжавшийся на протяжении длительного времени, в т. ч. за рамками описываемого периода.